
Соня Лисицына
Туман над Поместьем Грей

Сквозь туманы Англии

Соня Лисицына

Туман над поместьем Грей

«Автор»
2026

Лисицына С.

Туман над поместьем Грей / С. Лисицына — «Автор», 2026 — (Сквозь туманы Англии)

Англия эпохи Регентства. Себастьян Грей, герцог Коутс, обезображенный шрамами и терзаемый тайной прошлого, ведёт затворническую жизнь в поместье Грей, окутанном туманом. Встреча с Аннабеллой Лоуренс девушкой с израненной душой начинает менять всё. Их встреча запускает цепь событий: расследование давней тайны, противостояние коварному врагу и постепенное исцеление через доверие и любовь.

© Лисицына С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 12
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Соня Лисицына
Туман над поместьем Грей

Глава 1

1815 г Англия

Колеса кареты наконец прекратили свой монотонный, изнуряющий скрежет по мокрому гравию.

Экипаж качнулся от внезапной остановки, и Аннабелла ощутила этот толчок всем телом - остаточный гул долгого пути еще долго будет вибрировать под ее кожей. Казалось, она все еще продолжает бежать, даже когда лошади затихли, а кучер тяжело спрыгнул на землю. За окном расстилалась густая, молочно-белая взвесь. Туман Уилтшира отличался от лондонского смога: он был чистым, холодным, пахнущим сырой землей и увядающим папоротником. Сквозь эту влажную завесу огоньки в окнах небольшого дома тети Элеоноры казались размытыми янтарными пятнами и влекло девушку обещанием безопасности. Но заслужила ли она ее?

Дверца кареты распахнулась. В лицо сразу ударил сырой сквозняк, унося душный запах кожаной обивки салона. Аннабелла помедлила секунду, ее пальцы в тонких, потертых лайковых перчатках крепче сжали ридикюль.

Выходя наружу, она привычным, выработанным годами движением расправила плечи и выпрямила спину. Корсет под дорожным платьем словно затвердел, превращаясь в панцирь. Осанка истинной леди - ее последний рубеж обороны. Когда твой мир рушится, когда репутация растоптана, а внутри зияет пустота, нельзя позволить себе согнуться. Общество карает за слабость мгновенно, и эта выправка была ее единственным оружием против чужих взглядов.

Тетя Элеонора ждала её на невысоком каменном крыльце. Рядом стояла лишь пожилая служанка с тусклым масляным фонарем - никаких лишних свидетелей, никакого парада прислуги. Элеонора, кутаясь в простую шерстяную шаль поверх темного домашнего платья, сделала шаг навстречу. В её мягких, иссеченных морщинками глазах не было ни любопытства, ни осуждения. Только глубокое, молчаливое понимание.

Когда Аннабелла ступила на верхнюю ступень, тетя не бросилась к ней с объятиями. Она просто взяла её за руки, и через тонкую кожу перчаток тепло ладоней Элеоноры показалось почти обжигающим.

– Ты доехала, дитя мое, – негромко произнесла она. Голос ее звучал ровно, без излишней жалости, которая сейчас лишь ранила бы сильнее. – Заходи скорее. Туман нынче сырой, пробирает до костей.

Никаких расспросов ни упоминания о спешном бегстве из Лондона, ни вопросов о лорде Ричарде Кенте, ни расспросов о разорванной помолвке, которая превратила жизнь Аннабеллы в кошмар. Только это тихое приглашение войти.

Внутри дом встретил их теплом и запахами, которые сразу же окружили Аннабеллу, словно плотный кокон. Здесь пахло пчелиным воском, которым натирали старую дубовую мебель, сушеной лавандой и мятой, пучками свисавшими с балок под потолком, и березовыми дровами, потрескивающими в камине. Это был запах дома, в котором живут тихой, размеренной жизнью, бесконечно далекой от блеска и грязи столичных салонов.

Тетя провела её в небольшую, уютную гостиную. На низком столике уже стоял серебряный чайник, от которого поднимался тонкий пар с ароматом мелиссы.

– Присядь у огня, Аннабелла, – тихо сказала Элеонора, помогая ей снять тяжелый дорожный плащ. – Я велю принести теплых лепешек. Тебе нужно согреться и прийти в себя.

Аннабелла опустилась в глубокое кресло с высокой спинкой, обитое блеклозеленым бархатом. Ткань была шершавой на ощупь, цеплялась за шерсть ее юбки. Она села на самый край, не позволяя себе откинуться на спину. Внутри все еще звенела натянутая тетива, глаза помимо воли сканировали пространство: дверь, ведущая в коридор, окно с плотными шторами, расстояние до выхода. Привычка загнанного зверя, готового в любой момент сорваться с места.

Она положила руки на колени, а пальцы мелко дрожали. Пытаясь унять эту дрожь, Аннабелла изо всех сил вонзила ногти в собственные ладони.

Боль. Острая, отрезвляющая боль вернула ее в реальность. Это помогало когда паника подкатывала к горлу, когда перед глазами снова вставали картины того страшного вечера и холодные, жестокие глаза Ричарда Кента, боль в ладонях служила якорем. Аннабелла задышала медленнее, вглядываясь в свои бледные пальцы. Кожа была ледяной, несмотря на жар камина. Как странно: тело здесь, в безопасности, а разум все еще там, в темных переулках ИстЭнда, в сумасшедшем страхе перед разоблачением.

Элеонора подошла ближе к племяннице. Она не стала навязывать свое присутствие, но мягко опустилась на низкую скамеечку напротив кресла. Ее взгляд скользнул по напряженной фигуре племянницы, задержался на сжатых кулаках.

– Посмотри на меня, Аннабелла, – позвала она тихо, но с удивительной силой в голосе.

Девушка вздрогнула и подняла глаза. В этот момент ее светлые волосы, слегка растрепавшиеся после дороги, поймали блики пламени, подчеркивая мертвенную бледность лица и темные тени под серыми глазами.

Тетя протянула руку и накрыла ладони Аннабеллы своими, заставляя её разжать пальцы. На нежной коже остались глубокие красные отметины в форме полумесяцев.

– В этом доме, – раздельно произнесла Элеонора, глядя ей прямо в душу, – Ты не гостья, которая должна заслуживать право на приют своим молчанием или покорностью. И ты не беглянка, ожидающая, когда за ней придут. Ты здесь хозяйка своей судьбы, своих решений, своей жизни. Твое бегство окончено, Аннабелла. Кент никогда не переступит этот порог, и здесь ты можешь наконец начать дышать.

Эти слова подействовали на нее подобно ушату ледяной воды. Аннабелла резко вздохнула, плечи ее судорожно дернулись. Горло перехватило спазмом, внутренний панцирь, который она так тщательно выстраивала все эти недели, дал глубокую трещину. Быть хозяйкой собственной судьбы? После того как её лишили всего, после того как общество вынесло ей свой безжалостный приговор?

Она резко поднялась с кресла, чувствуя, как комната начинает медленно кружиться перед глазами. Ей не хватало воздуха. Быстрыми шагами Аннабелла подошла к высокому окну и прижалась лбом к холодному стеклу.

Темнота снаружи казалась абсолютной, заполненной лишь клубящимся туманом. Он прижимался к стеклам, словно живое существо, пытаясь проникнуть внутрь, стереть границы между теплом дома и холодом внешнего мира. Но стекло держало удар.

Аннабелла смотрела в эту белую пустоту. Там, где-то далеко за этой завесой, лежал огромный, враждебный мир. Лондон с его балами, за спиной которых шептались о её падении, лорд Кент, который наверняка уже ищет её, кипя от ярости из-за упущенной добычи.

Аннабелла сделала глубокий вдох. Воздух у стекла был прохладным, очищающим, а дрожь в руках постепенно утихла. Да, ее прошлая жизнь разрушена до основания. Да, правила приличного общества превратились в капкан, из которого ей чудом удалось вырваться. Но сейчас, стоя у этого окна и глядя в непроглядную мглу, она почувствовала, как внутри, под пеплом пережитого ужаса, разгорается слабое, но упрямое пламя.

Она больше не побежит. Она найдет способ вернуть себе себя, чего бы это ни стоило. Туман скрывал будущее, но он же дарил ей временное убежище. И Аннабелла была готова принять этот бой.

Глава 2

Серый, тяжелый, он не просто висел за окном - он впитывался в камни поместья, просачивался сквозь щели в рамах и оседал на корешках старых книг невидимой, холодной влагой. Себастьян Грей стоял у высокого окна своего кабинета, прижавшись здоровой щекой к прохладному дереву откоса. За стеклом не было мира, был только саван. Белесая, колышущаяся муть скрывала обрыв, скалы и беспокойное море внизу, превращая замок в одинокий остров, дрейфующий в пустоте.

Кабинет тонул в глубоком полумраке. Себастьян намеренно не зажигал ламп - свет был его врагом. В сумерках он мог забыть о том, кем стал, мог представить, что его лицо все еще гладкое, а жизнь не превратилась в пепелище. Но стоило ему чуть резче повернуть голову, как грубая, стянутая кожа на левой стороне лица отзывалась неприятным, тянущим ощущением. Рубцы, глубокие и неровные, словно застывшие потоки воска, напоминали о себе при каждом вдохе.

Он коснулся пальцами изуродованной щеки. Рваные края шрамов были жесткими, чужими. Кожа под ними почти потеряла чувствительность, но в глубине, где-то в мышцах, все еще пульсировала фантомная боль того далекого пламени.

– Опять в темноте, Себастьян? Это вредно для глаз, да и для расположения духа тоже.

Голос прозвучал от двери - мягкий, обволакивающий, лишенный всякой резкости. Артур Вейн вошел в кабинет бесшумно, словно он сам был частью этого тумана. Его шаги по тяжелому ворсу ковра были едва слышны, но Себастьян все равно вздрогнул. Он ненавидел, когда к нему подкрадывались.

Артур выглядел безупречно. Темно-синий фрак сидел на нем, уже далеко не молодом мужчине так, словно был второй кожей, накрахмаленный шейный платок слепил белизной даже в этой скудной освещенности. От него исходил тонкий, едва уловимый аромат дорогого парфюма - амбра и сухая лаванда. Этот запах всегда казался Себастьяну неуместным здесь, среди тлена старых бумаг и запаха сырого камня.

– Свет лишь подчеркивает то, что я предпочел бы скрыть, Артур, – отозвался Себастьян, не оборачиваясь. Голос его звучал хрипло, надтреснуто. – Зачем ты пришел?

– Я принес отчеты из поместья в Дорсете. И последние сводки по делу о... ну, ты сам знаешь. Я подумал, что тебе будет спокойнее, если ты лично взглянешь на цифры.

Вейн положил стопку бумаг на край массивного дубового стола, заваленного картами и старыми записями. Себастьян медленно повернулся. Он держался в тени, позволяя лишь правой, неповрежденной стороне лица попасть в тусклый отсвет из окна.

Артур смотрел на него с этим своим особенным выражением - смесью сочувствия и глубокой, почти отеческой заботы. Его глаза, внимательные и изучающие, казалось, пытались проникнуть под маску затворничества, которую Себастьян носил так тщательно.

– Ты слишком изнуряешь себя этой одержимостью, мой дорогой мальчик, – тихо произнес Артур, подходя ближе. – Посмотри на эти папки. Ты ищешь призраков там, где остались только уголья.

– Призраки имеют обыкновение возвращаться, если их не похоронить должным образом, – Себастьян подошел к столу и положил руку на принесенные отчеты. Бумага была плотной, новой... Слишком новой на фоне пожелтевших страниц, которыми он окружил себя.

Вейн осторожно, почти незаметно, передвинул одну из папок ближе к свету. В этом жесте не было ничего подозрительного, лишь желание помочь. Но пока его правая рука указывала на верхнюю строчку документа, левая, скрытая широким рукавом фрака, ловко подменила сложенный вдвое лист, лежавший под стопкой. Себастьян ничего не заметил, он был слиш-

ком занят своими мыслями, своей болью, своим недоверием к миру, которое парадоксальным образом не распространялось на Артура.

Артур был его единственной связью с прошлым. Человеком, который не отвернулся от него после пожара, который помогал управлять делами, когда Себастьян был не в силах даже подняться с постели. Инструмент надежный, верный инструмент в его руках.

– Здесь указано, что выплаты страховой компании приостановлены, – Себастьян вглядывался в строчки, щурясь. – Почему?

– Чиновники, Себастьян. Бюрократическая машина крутится медленно, – Вейн вздохнул, и в этом вздохе слышалось искреннее сожаление. – Они требуют дополнительных доказательств, что возгорание не было... случайностью. Я делаю все возможное, поверь мне.

Себастьян снова коснулся шрама. Пальцы мелко дрожали.

– Случайность? – он коротко, зло рассмеялся. Звук получился сухим, как треск ломающейся ветки. – Огонь не выбирает жертву с такой точностью по чистой случайности. Кто-то хотел, чтобы я сгорел в том кабинете, и кто-то хотел, чтобы Греи исчезли!

– И именно поэтому тебе нужно беречь себя, – Артур мягко положил руку на плечо Себастьяна. Сквозь ткань сюртука Себастьян почувствовал тепло его ладони, и на мгновение ему захотелось верить в эту искренность. – Если ты сойдешь с ума от этих поисков, они победят. Не давай им такого удовольствия…кстати, я слышал, что к старой леди Лоуренс приехала гостья…странно, что наше Богом забытое место кого-то прельщает.

- Мне абсолютно не интересны все эти сплетни, Артур, пусть хоть сам принц Уэльский посетит нас, у меня есть дела куда важнее, - мрачно ответил ему Себастьян, и вернулся к бумагам.

Вейн еще раз взглянул на стол он отвлек Грея несущественной новостью и убедился, что фальшивки лежат на своих местах. Артур мастерски подменял подлинный документ на её удобную копию, строя вокруг Себастьяна клетку из ложных фактов и искаженных отчетов.

– Я оставлю тебя, – сказал Артур, отступая к двери. – Постарайся хоть немного поспать. Туман рассеется к утру, вот увидишь.

– Туман никогда не рассеивается полностью, – бросил Себастьян ему в спину.

Когда дверь закрылась, кабинет снова погрузился в тишину. Только запах духов Вейна - слишком сладкий, слишком живой - еще висел в воздухе, напоминая о мире, который Себастьян потерял.

Он снова подошел к окну. Шрамы на щеке заныли сильнее от сырости. Он был заперт в этом доме, в этом теле, в этой бесконечной осени 1815 года. Каждая его мысль была направлена в прошлое, к тому моменту, когда вспыхнула первая искра. Он не видел, как Артур, выйдя в коридор, выпрямил спину и стер со своего лица маску сострадания, оставив лишь холодный, расчетливый блеск в глазах.

Себастьян остался наедине со своей одержимостью. Он смотрел в пустоту, где белая мгла скрывала истину. Шрамы - единственное, что связывало его с прежним Себастьяном Греем, герцог Коутс и он держался за них, как за якорь, не осознавая, что именно эта связь тянет его на самое дно. Ему казалось, что он охотник, выслеживающий зверя в тумане, но на самом деле он был лишь загнанным в угол калекой, который принимал руку своего палача за единственную опору.

Глава 3

Время в Уилтшире не бежало - оно сочилось сквозь пальцы, подобно холодному осеннему туману. Прошел ровно месяц с тех пор, как карета высадила Аннабеллу у порога дома тети Элеоноры. Четыре недели тишины, лишенной столичного шума, шепота за спиной и липкого, парализующего страха, который преследовал ее в Лондоне. Постепенно, день за днем, ее мир сужался до размеров этого небольшого, пахнущего сухой лавандой и пчелиным воском прибежища.

Она училась жить заново. Самыми простыми, обыденными вещами проснуться, когда серый рассвет едва касается занавесок. Спуститься по скрипучим ступеням, ведя пальцами по прохладным деревянным перилам, ощутить тяжесть серебряной ложки в руке во время завтрака. Это были мелкие, незначительные якоря, которые удерживали ее сознание на плаву, не позволяя соскальзывать в бездну воспоминаний. Больше всего утешения Аннабелла находила в чтении. В библиотеке тети Элеоноры, среди старых томов в кожаных переплетах, она могла часами сидеть на широком подоконнике, укрыв ноги шерстяным пледом. Книги не задавали вопросов, они не требовали держать спину ровно и улыбаться, когда внутри все выжжено дотла.

Еще были прогулки. Сначала короткие - всего десять шагов от крыльца до старого розария, где увядшие бутоны клонились к сырой земле. Затем все дальше, к границе участка, где старая каменная ограда отделяла их владения от бескрайних холмов. Холодный воздух, пахнущий солью близкого моря и прелой листвой, оседал на ее лице мелкими каплями. Кожа на щеках горела от резкого ветра, и эта чистая, физическая прохлада вытесняла из мыслей духоту лондонских салонов. Дышать становилось легче, а внутренний спазм, который раньше перехватывал горло при каждом резком звуке, постепенно отступал.

В этот послеполуденный час в малой гостиной было особенно уютно. В камине весело трещали березовые поленья, бросая янтарные блики на блеклые обои с цветочным узором. На небольшом столике у окна уже исходил паром серебряный чайник, а рядом на фарфоровом блюде лежали теплые ячменные лепешки, посыпанные крупной солью, и стояла вазочка с густым медом.

Тетя Элеонора сидела в своем любимом кресле-качалке. Спицы в ее руках двигались с мягким, усыпляющим пощелкиванием. Серая шерстяная нить тянулась из корзины у ее ног, послушно ложась в ровные петли.

– Ты сегодня долго гуляла, Аннабелла, – заметила Элеонора, не прерывая работы. Ее мягкий, чуть глуховатый голос идеально вписывался в мирный шум пламени. – Я уж начала беспокоиться. Сырость нынче такая, что пробирает до самых костей.

Аннабелла, сидевшая на диванчике напротив, бережно взяла чашку. Фарфор был таким тонким, что сквозь него чувствовалось обжигающее тепло чая с мелиссой. Она поднесла чашку к лицу, вдыхая травяной аромат.

– Я дошла до старого вяза на холме, тетя. Там ветер сильнее, но дышится удивительно легко. Туман сегодня поднялся высоко, даже море было немного видно.

– Места у нас красивые, – согласилась Элеонора, на мгновение остановив спицы и посмотрев на племянницу поверх очков. В ее глазах светилась тихая радость - она видела, как к бледным щекам племянницы постепенно возвращается едва заметный румянец. – Но коварные…особенно там, ближе к обрывам. Надеюсь, ты не ходила в сторону Грей-Холла?

Аннабелла сделала небольшой глоток. Сладкое тепло разлилось по телу, заставляя плечи расслабиться.

– Грей-Холл? Это то мрачное поместье на скале, чьи трубы видны из-за рощи? Нет, туда я не ходила. А почему вы спрашиваете?

Элеонора вздохнула и отложила вязание на колени. Ее пальцы, сухие и покрытые мелкими морщинками, бережно поправили шаль на плечах.

– Потому что держаться от того места нужно как можно дальше, дитя мое...и особенно от его хозяина. Себастьян Грей - человек, с которым не стоит встречаться ни при каких обстоятельствах. Местные жители называют его чудовищем Грей-Холла, и, признаться, у них есть на то причины.

– Чудовищем? – Аннабелла чуть приподняла брови. Название показалось ей нелепым, словно взятым из сказок, которыми пугают непослушных детей. – В наше время люди слишком легко дают подобные прозвища тем, кто просто не похож на остальных.

– В этом случае все куда печальнее, – тетя покачала главной, лицо ее посерьезнело. – Несколько лет назад Себастьян был совсем другим. Блестящий молодой человек, один из самых завидных женихов столицы. Но потом случился пожар - он был ужасный, уничтоживший половину его лондонского особняка. Говорят, пламя вспыхнуло ночью, мгновенно отрезав выходы. И что самое печальное погибла его семья: молодая жена и маленькая дочь…Герцог выжил, но цена была страшной. Половина его лица превратилась в сплошной рубец, левая рука сильно обгорела. Но физические увечья - лишь половина беды. Огонь выжег его душу.

Слушая тетю, Аннабелла невольно посмотрела на пламя в камине. Огненные языки лизали поленья, с тихим шелестом превращая дерево в серый пепел. Разрушительная сила, не знающая жалости.

– Он закрылся здесь после трагедии? – тихо спросила она.

– Да. Убежал от мира, едва залечив раны, – Элеонора налила себе чаю, и струя темного напитка зажурчала, нарушая тишину. – Заколотил парадные двери Грей-Холла, распустил почти всю прислугу. Оставил лишь пару старых верных слуг да своего управляющего, Артура Вейна. Родители его вскоре не выдержали несчастья, что настигло их семью сначала скончалась мать от сердечного приступа, а потом ушел отец…Себастьян Грей превратился в злобного затворника...он ненавидит людей, Аннабелла. Если кто-то случайно забредает на его земли, он лично прогоняет несчастных. Говорят, он скачет на своем огромном вороном коне, пряча лицо под глубоким капюшоном, и сыплет проклятиями. В его глазах нет ничего, кроме ярости и подозрительности. Он считает, что весь мир виновен в его несчастье.

Аннабелла поставила чашку на блюдце. Тихий звон фарфора показался ей неожиданно резким.

– Зачем же так изводить себя? – проговорила она, устремив взгляд в окно, где туман продолжал свою медленную, беззвучную пляску. – Добровольно запереть себя в четырех стенах, окружить враждой... Это кажется безумием. У него ведь есть все: богатство, титул, независимость. Он мог бы уехать в Италию, во Францию, начать все сначала там, где никто не знает о его прошлом.

В её голосе проскользнула едва заметная горечь. Она, Аннабелла, как женщина, была лишена выбора. Ее репутация была растоптана, её имя смешано с грязью из-за чужой жестокости. Она была вынуждена бежать, прятаться, вздрагивать от каждого шороха. И все же она изо всех сил цеплялась за крохи свободы, за возможность просто ходить по земле и дышать чистым воздухом. А этот человек, имея безграничные возможности, сам сковал себя цепями собственной злобы.

– Гордость, дитя мое, – мягко ответила Элеонора, словно прочитав ее мысли. – Гордость и уязвленное самолюбие частенько становятся самыми прочными решетками. Герцог не желает, чтобы его видели слабым или уродливым, он предпочитает, чтобы его боялись. Так что пообещай мне, что не будешь приближаться к границе Грей-Холла. Его земли начинаются сразу за оврагом, у каменистой гряды. Там дикие места, и встретить его - сомнительное удовольствие.

– Обещаю, тетя, – Аннабелла слабо улыбнулась, пытаясь отогнать внезапно нахлынувшую грусть. – Мне нет дела до герцога и его поместья. У меня достаточно книг, чтобы занять свои мысли, и нашего сада вполне хватает для прогулок.

Она действительно так думала. Рассказ тетушки Элеоноры остался в ее сознании лишь очередной местной легендой, трагической, но бесконечно далекой от ее собственной реальности. Герцог Коутс казался ей вздорным, эгоистичным аристократом, который упивается своим горем, превратив его в щит от внешнего мира. У них не было и не могло быть ничего общего. Ее собственная боль была тихой, затаенной глубоко внутри, а его - громкой, бьющей наотмашь по каждому, кто осмеливался приблизиться.

Аннабелла снова потянулась к своей книге, и перевернула страницу, вчитываясь в ровные строчки описания французских монастырей. Мирный быт усадьбы обволакивал ее, возвращая хрупкое чувство безопасности. Потрескивал камин, пахло яблоками и лавандой, спицы тети Элеоноры продолжали свой мерный такт.

Она была уверена, что ее покой продлится долго, и не догадывалась, что туман, так надежно скрывавший ее от прошлого, уже готовит для нее новую встречу, которая перевернет всю ее жизнь. Но пока что в малой гостиной царила тишина, и Аннабелла наслаждалась каждым ее мгновением, не зная, насколько хрупким был этот покой.

Глава 4

Шелест страниц был единственным звуком, нарушавшим тишину малой гостиной. Аннабелла сидела у окна, вцепившись пальцами в корешок увесистого тома об архитектуре французских аббатств. Текст расплывался перед глазами, превращаясь в причудливую вязь, но она упорно продолжала вглядываться в строчки. Это было её личное упражнение в спокойствии - заставить разум следовать за логикой камня и чертежа, когда внутри все еще клокотала тревожная пустота. Лаванда в вазочке на камине пахла сухо и немного пыльно, а солнечный луч, пробившийся сквозь серую хмарь Уилтшира, подсвечивал кружащиеся в воздухе пылинки.

Мирный быт поместья казался незыблемым. Где-то в глубине дома слышался приглушенный стук кухонной утвари, отдаленные голоса слуг, занятых утренней рутиной. Аннабелла расслабилась, позволяя напряженным плечам чуть опуститься. Она была одна, но в безопасности. Защищена толстыми стенами и любовью тети.

Резкий, скрежещущий звук металла о металл вспорол тишину.

Аннабелла замерла. Книга соскользнула с её колен на ковер, издав глухой хлопок, но она даже не вздрогнула - она оцепенела. Снаружи, в коридоре, кто-то вставил ключ в скважину и повернул его. Дважды. Тяжелый щелчок ригеля отозвался в ее ушах подобно пушечному выстрелу, а затем последовал звук удаляющихся шагов по паркету - легких, будничных. Кто-то из слуг, решив, что комната пуста, и запер ее на время генеральной уборки или в целях экономии тепла.

Мир вокруг мгновенно изменился. Стены гостиной, еще минуту назад казавшиеся уютными, вдруг начали медленно сдвигаться. Воздух стал плотным, вязким, словно его выкачали из помещения.

– Нет, – сорвалось с ее губ едва слышным хрипом.

Она рванулась к двери, забыв о достоинстве, об осанке, о том, кем она должна была казаться. Пальцы вцепились в медную ручку, холодный металл обжег кожу. Она дернула - на себя, от себя. Бесполезно. Дубовое полотно стояло неподвижно, надежно отсекая ее от остального мира.

В глазах потемнело. Вместо светлых обоев с цветочным узором перед ней возникла тяжелая драпировка кабинета Ричарда Кента. Запах лаванды сменился удушливым ароматом дорогого табака и старого бренди. Она снова чувствовала ту же беспомощность, ту же парализующую вонь опасности, когда поняла: дверь заперта, и ключ в его кармане.

– Пожалуйста, – прошептала она, прижимаясь лбом к холодному дереву. – Пожалуйста, только не снова.

Дыхание стало прерывистым, рваным. Каждое всасывание воздуха давалось с трудом, легкие словно превратились в сухую бумагу, которая не могла удержать кислород. Перед глазами заплясали черные точки. Аннабелла начала колотить в дверь - сначала кулаками, потом ладонями. Звук ударов казался ей оглушительным, но на самом деле он был слабым, отчаянным.

– Откройте! Кто-нибудь!

Ее голос сорвался на высокой ноте. Она сползла по двери вниз, на ковер, колени подкосились, тело стало чужим, ватным. Память безжалостно подсовывала картины: звук захлопывающегося замка, его тяжелые шаги, ее собственный крик, который тогда никто не услышал. Потеря девственности, потеря чести, потеря самой себя - все это было заперто за той дверью в Лондоне. И теперь эта дверь вернулась.

Она обхватила себя руками, пытаясь удержать ускользающее сознание. Ногти впились в предплечья сквозь тонкую ткань платья, но боли почти не было - только этот всепоглощающий,

липкий ужас запертого зверя. Стены гостиной продолжали давить и потолок опускался ниже. Ей казалось, что она тонет в стоячей, ледяной воде.

Снова скрежет, ключ провернулся в обратную сторону. Дверь приоткрылась, впуская в комнату полоску обычного, серого дневного света.

– Ох, мисс Аннабелла! Господи помилуй, я и не знала, что вы здесь! – горничная, юная девушка в чистом чепце, вскрикнула, уронив связку ключей на пол.

Аннабелла подняла голову. Ее лицо было мертвенно-бледным, пряди волос выбились из прически и прилипли к вискам. Она смотрела на испуганную служанку, но видела лишь расплывчатое пятно.

– Что здесь происходит? – голос Элеоноры, твердый и спокойный, прозвучал из коридора.

Тетя вошла в гостиную, мгновенно оценив ситуацию. Ее взгляд скользнул по осевшей на пол племяннице, по дрожащим рукам девушки и по распахнутой настежь двери.

– Мэри, иди на кухню, – негромко, но властно распорядилась Элеонора. – И больше никогда, слышишь, никогда не запирай двери в жилых комнатах, пока не убедишься, что там никого нет.

– Но миссис Харт...

– Иди, Мэри.

Когда служанка поспешно ретировалась, Элеонора плотно прикрыла дверь, но не заперла её. Она подошла к Аннабелле и опустилась рядом с ней прямо на ковер, не заботясь о своем шелковом платье.

– Дыши, Аннабелла, – мягко сказала она, кладя руку ей на плечо. – Смотри на меня ты здесь…в Уилтшире. Дверь открыта…видишь?

Аннабелла судорожно вздохнула. Первый полноценный глоток воздуха обжег горло. Она медленно перевела взгляд на дверь, которая теперь стояла чуть приоткрытой. Вид коридора, освещенного лампами, подействовал отрезвляюще.

– Я... я думала... – она не смогла закончить фразу. Голос дрожал так сильно, что зубы выбивали дробь.

– Я знаю, что ты думала, – тетя привлекла ее к себе, обнимая за плечи. – Это был просто звук, дитя мое. Просто неосторожность служанки...Кент далеко, он не придет сюда…

Аннабелла уткнулась лицом в плечо тети. От Элеоноры пахло домом, чистотой и чем-то надежным. Постепенно паника начала отступать, оставляя после себя высушивающую, ядовитую горечь. Стыд обжег ее щеки она, взрослая женщина, аристократка, сидит на полу и дрожит как испуганный ребенок из-за щелчка замка.

– Мне так жаль, тетя, – выдавила она, отстраняясь. Она начала судорожно поправлять платье и волосы, пытаясь вернуть себе хотя бы видимость достоинства. – Я должна быть сильнее. Это... это было недостойно.

– Не смей себя винить, – Элеонора поднялась на ноги и помогла встать Аннабелле. Её глаза светились строгой нежностью. – Раны души заживают дольше, чем шрамы на теле. Тебе не за что стыдиться перед мной.

Аннабелла кивнула, но внутри нее уже зрело иное чувство. Протест. Она не могла позволить этим призракам управлять ее жизнью. Если она останется здесь, в этой комнате, тени Кента победят. Они будут подстерегать её в каждом углу, в каждом закрытом пространстве.

– Мне нужно выйти, – сказала она, и в ее голосе появилось нечто новое - твердая, почти жесткая решимость.

– Тебе лучше прилечь, Аннабелла. Я велю принести тебе настойку валерианы.

– Нет, – Аннабелла покачала головой. Она уже шла к двери, ее шаги становились увереннее. – Мне не нужны настойки…мне нужен воздух. Настоящий воздух, который не ограничен стенами.

Тетя хотела что=то возразить, но, увидев выражение лица племянницы - смесь боли и непреклонного упрямства, - лишь молча кивнула.

Аннабелла почти выбежала из гостиной. Она не пошла в свою спальню, не остановилась в холле, а сорвала с вешалки свой дорожный плащ, даже не удосужившись застегнуть его, и распахнула тяжелую входную дверь.

Уилтшир встретил ее сырым, холодным дыханием. Туман, низко стлавшийся по земле, лизнул ее щиколотки. И это было прекрасно.

Она пошла прочь от дома, по гравиевой дорожке, ведущей вглубь сада. Каждый шаг по хрустящему камню отдалял ее от того момента паники, от запертого замка, от ощущения собственной беспомощности. Ей нужно было доказать себе, что она свободна. Что земля под её ногами не закончится стеной, что небо над головой невозможно запереть на ключ.

Ветер растрепал ее волосы окончательно, холод пробирался под платье, но Аннабелла лишь ускорила шаг. Она шла вперед, в серую мглу, чувствуя, как с каждым вдохом легкие очищаются от затхлого запаха страха. Туман вокруг нее был густым и непроницаемым, но он не пугал ее - в отличие от стен, он был живым. В нем не было замков.

Она не знала, куда именно идет, но это было неважно. Главным было движение. Борьба, вызов, который она бросала собственному прошлому. Аннабелла больше не была той девушкой, которую можно было сломать, просто повернув ключ в замочной скважине. Она была изранена, да, была напугана. Но она была жива. И она собиралась остаться живой, чего бы ей это ни стоило.

Глава 5

Холодный, влажный воздух ударил в лицо, и Аннабелла, вздрогнув всем телом, втянула его в себя - глубоко, жадно, до легкого головокружения. Дверь за спиной осталась приоткрытой, но она не обернулась. Не могла. Сам вид тяжелой дубовой створки теперь вызывал тошнотворный спазм где-то под ложечкой. Шаг. Еще шаг. Гравий хрустел под подошвами легких туфель, и этот звук был куда реальнее, чем эхо захлопнувшейся ловушки в гостиной. Плащ она так и не застегнула, и ветер немедленно забрался под него, кусая плечи и заставляя кожу покрываться мурашками. Это было хорошо. Боль от холода была чистой, честной - не то что липкий, удушливый страх, который только что скрутил ее внутренности в тугой узел.

Она шла, не разбирая дороги. Сад встретил ее запустением поздней осени - голые ветки яблонь тянулись к серому небу, словно окостеневшие пальцы, под ногами пружинил ковер из мокрых, побуревших листьев. Запах прели и сырой земли смешивался с соленым дыханием моря, долетавшим сюда порывами ветра. С каждым вдохом легкие очищались, выталкивая из себя затхлый воздух запертой комнаты. С каждым выдохом плечи чуть опускались, переставая быть каменными.

Тропинка вилась меж кустов шиповника, усыпанных сморщенными, почерневшими ягодами, и уводила вглубь сада, туда, где за низкой каменной оградой начинались дикие холмы. Аннабелла замедлила шаг, заставляя себя смотреть по сторонам. Вот старый розарий, где увядшие бутоны клонятся к самой земле и сломанная ветка, с которой капает вода. Простые, обыденные вещи. Она цеплялась за них взглядом, как утопающий за обломок мачты, пытаясь вытащить себя из бездны воспоминаний, из той самой лондонской комнаты с тяжелыми портьерами и запахом бренди. Там дверь закрылась навсегда. Здесь - нет.

В кустах слева что-то резко зашуршало.

Аннабелла замерла, сердце пропустило удар, а затем сорвалось в галоп. Инстинкт требовал бежать - прочь, назад, куда угодно, только подальше от неизвестной опасности. Мышцы ног напряглись, готовые повиноваться древнему, животному импульсу. Но она осталась на месте. Пальцы вцепились в ткань плаща, а зубы прикусили внутреннюю сторону щеки - до боли, до металлического привкуса на языке. Тишина. Только ветер шелестит сухими листьями.

Из кустов, лениво виляя хвостом, выбрался тощий рыжий кот. Он скользнул по ней равнодушным желтым взглядом и исчез в зарослях с другой стороны тропинки. Аннабелла выдохнула, воздух вышел из легких с присвистом, как из проколотых кузнечных мехов. Она сделала над собой усилие - разжала пальцы, расправила плечи. Вдох. Выдох. Кот…всего лишь кот. Не опасность и не угроза. Не он.

Она продолжила идти, ее шаги постепенно становились увереннее, тверже. Аннабелла перестала через каждые пять секунд оглядываться через плечо. Ветер трепал ее волосы, бросая пряди на лицо, и она не убирала их - это ощущение тоже было живым, реальным, частью мира, где нет замков и ключей. Где есть только небо над головой и бескрайние холмы, убегающие к горизонту, затянутому дымкой. Тропа пошла вверх, и подъем отозвался приятной тяжестью в икрах. Еще немного - и она вышла на край.

Обрыв открылся внезапно. Земля просто заканчивалась, словно отрезанная гигантским ножом, и внизу, насколько хватало глаз, простиралось море. Серое, неспокойное, оно лизало скалы белыми языками пены, и гул прибоя доносился сюда приглушенным, утробным рокотом. Ветер здесь был сильнее, он ревел в ушах, рвал полы плаща, пытался столкнуть с края. Аннабелла стояла на самом обрыве, чувствуя, как под ногами крошится влажный известняк, и смотрела вниз. Высота не пугала её. Напротив - захватывало дух, но это было очищающее, почти восторженное головокружение. Она была одна. На краю света, на границе между землей и пустотой. И эта пустота не давила - она освобождала.

Она перевела взгляд правее - и замерла. Там, за полосой тумана, на соседней скале, высился Грей-Холл. Поместье герцога-затворника, чудовища, о котором рассказывала тетя. Аннабелла вгляделась в его очертания дом был громадным, мрачным, сложенным из темного камня, который, казалось, впитал в себя всю сырость и тоску здешних мест. Башни терялись в низких облаках, окна смотрели на море слепыми, черными глазницами. Заброшенный, запертый, окруженный стеной вечного тумана - он походил на склеп. И все же... в одном из окон, на верхнем этаже, мерцал свет. Слабый, дрожащий огонек свечи или лампы.

Аннабелла не могла отвести от него взгляд. Кто зажигает свечи в этом каменном мавзолее? Кто сидит там, в полном одиночестве, глядя в такую же серую пустоту, что и она сама? Мысль об этом была странной, неуютной, но отчего-то щемящей. Она представила себе человека, который, возможно, точно так же стоит сейчас у окна, прижимаясь лбом к холодному стеклу, и смотрит на море. Человека, чья жизнь превратилась в тюрьму, возведенную из собственной гордости, боли и страха. Человека, которого все боятся, и никто не жалеет. Человека, у которого тоже нет ключа от запертой двери.

Она вздрогнула от этой мысли. Сочувствие? К чудовищу? К тому, кто скачет по холмам, пугая людей и сыпля проклятиями? Это было нелепо. И все же... свет в окне не гас. Он горел ровно, упрямо, словно маяк, посылающий сигнал в никуда. Или - словно ответ на сигнал, который никто не посылал. Ее собственный страх, ее паника в запертой гостиной, ее бегство сюда, на край обрыва - все это вдруг показалось ей частью чего-то большего. Частью того же тумана, что окутывал и Грей-Холл, и холмы, и море. Тумана, который скрывал не только стены и скалы, но и души.

Она стояла так долго. Минуты текли медленно, словно вода, сочащаяся сквозь пальцы. Ветер пронизывал до костей, но она не чувствовала холода. Впервые за долгое время внутри нее что-то менялось- хрупкое, едва уловимое. Ощущение того, что она не одна в этом мире, полном запертых дверей. Что за соседней скалой, в нескольких милях отсюда, живет другой человек, который тоже боится. Другая душа, которая тоже бежит, пленник, который сам запер себя в клетку.

Губы Аннабеллы тронула слабая, почти незаметная улыбка. В ней не было радости, но было нечто иное - тихое, горькое принятие. Она опустила взгляд, посмотрела на свои руки - пальцы, вцепившиеся в края плаща, все еще слегка подрагивали, но уже не от страха. От холода, от напряжения, от странного, пьянящего чувства свободы, смешанного с грустью. Она сделала шаг назад от обрыва, а потом еще один. Затем развернулась и, не оглядываясь больше ни на море, ни на далекий свет в окне, пошла обратно по тропинке.

Страх все еще жил в ней, свернувшись клубком где-то глубоко внутри. Но теперь она знала - он лишь часть тумана. Такого же густого, такого же обманчивого, как тот, что клубился над скалами. И если идти вперед, несмотря ни на что, туман расступается. Медленно, неохотно - но расступается. Открывая впереди дорогу к дому, к тете Элеоноре. К книге на подоконнике и чашке остывшего чая. И, возможно, когда- нибудь - к чему -то большему.

Нет. Больше она не будет прятаться. Она не позволит никому - ни лорду Кенту, ни его тени, ни собственным воспоминаниям - запереть ее снова. Она пережила ад, потеряла все, но она все еще стоит на ногах. И пока она может идти - она свободна.

Аннабелла ускорила шаг. Гравий хрустел под ногами, ветер толкал в спину, и впереди уже виднелись теплые желтые окна дома тети. Она возвращалась, но не побежденной и не сломленной, а живой.

Глава 6

Шелк вечернего платья цвета грозового неба холодил кожу, напоминая о том, что за пределами этих стен мир все еще остается чужим и колючим. Аннабелла стояла перед высоким зеркалом в спальне, пока тетя Элеонора бережно поправляла кружевную косынку на ее плечах. Пальцы тети, пахнущие сухой лавандой и воском, двигались уверенно, но Аннабелла чувствовала, как внутри нее нарастает знакомое оцепенение.

– Ты выглядишь чудесно, дорогая, – мягко проговорила Элеонора, поймав взгляд племянницы в отражении. – Но если ты не чувствуешь в себе сил для этого вечера...

– Я в порядке, тетя. Просто... – Аннабелла замялась, касаясь пальцами тонкой нитки жемчуга. – Я отвыкла от необходимости улыбаться, когда в горле стоит ком.

Элеонора вздохнула и приблизилась к девушке, и на мгновение положила ладонь на ее щеку.

– Миссис Хартли бывает утомительна, но её гостиные – сердце местного общества. Нам нужно показать, что Лоуренсы не сломлены. К тому же, – она сделала паузу, ее взгляд затуманился воспоминаниями, – Сегодня наверняка снова будут говорить о Греях. Это их любимая тема для пересудов.

Аннабелла встрепенулась. Имя герцога теперь вызывало в ней не просто любопытство, а странный, болезненный отклик.

– Вы говорили, что знали их семью? – тихо спросила она.

– Старого герцога и его жену – да. Это были светлые люди, Аннабелла. Себастьян... он рос на моих глазах. Смелый, чуть безрассудный мальчик с глазами цвета моря, что скрывает сейчас туман… Он не заслужил того, что с ним случилось.

Тетя подошла к окну, за которым сумерки уже начали стирать границы сада.

– Тот пожар... это был не просто несчастный случай. Огонь уничтожил не только дом, он погубил его семью, его надежды. Говорят, Себастьян бросался в самое пламя трижды, пытаясь спасти леди Камиллу и их дочь... Когда его вытащили, он был больше похож на обугленную головешку, чем на человека. Его тело исцелилось, насколько это было возможно, но разум... Разум остался там, в горящих обломках.

Аннабелла слушала, и ее собственное дыхание стало тяжелым. Она знала, каково это – остаться в огне, когда вокруг все продолжают жить.

Карета миссис Хартли уже ждала у крыльца. Поездка прошла в молчании и наблюдением за природой в окошко. Уилтширские дороги, подернутые вечерней влагой, казались бесконечными лентами, уходящими в никуда.

Гостиная миссис Хартли ослепила Аннабеллу. Здесь была показная роскошь: позолота на лепнине, тяжелые бархатные портьеры винного цвета, которые, казалось, впитали в себя пыль десятилетий, и сотни свечей, чей жар делал воздух в комнате густым и удушливым. Запах дорогого парфюма смешивался с ароматом подгоревших восковых свечей и сладкого хереса.

– О, дорогая Элеонора! Мисс Лоуренс! Какая честь, – миссис Хартли, дама с необъятным тюрбаном на голове, напоминавшим взбитые сливки, подплыла к ним, обмахиваясь веером. Ее глаза, маленькие и острые, как у хорька, мгновенно просканировали платье Аннабеллы, оценивая стоимость ткани и фасона.

Разговор быстро скатился в русло привычного злословия. Группа гостей сгруппировалась у камина, и Аннабелла, вынужденная стоять рядом, чувствовала, как по коже пробегает неприятный холодок от их звонкого, бездушного смеха.

– И что же, – миссис Хартли приложила веер к губам, понижая голос до заговорщицкого шепота, – Наш достопочтенный «чудовище» все так же заперт в своей берлоге?

– О, разумеется! – мистер Бэнкс, худощавый мужчина с длинным носом и бегающими глазками, хохотнул, отпивая из бокала. – Слуги говорят, он больше не снимает маску даже ночью. Представляете, какая это гордыня? Бог наказал его за грехи, лишив лица, а он пытается скрыть божественную волю под тряпкой.

– Наказал? – ядовито переспросила миссис Хартли. – Дорогой Бэнкс, это не наказание, это клеймо. Говорят, он сам устроил тот пожар - ради страховки или чтобы скрыть долги. А жена с девочкой... ну, бедняжки просто оказались не в то время не в том месте. Такие люди, как Грей, не знают жалости.

Аннабелла почувствовала, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Гнев, жаркий и колючий, вспыхнул в груди. Она видела эти лица – сытые, самодовольные, ищущие в чужой боли лишь развлечения для своего скучного вечера.

– Это возмутительно, – подал голос Бэнкс, распаляясь. – Его затворничество – это признание вины. Честный человек не станет прятаться в тумане...он безумен, это очевидно. Я слышал, он бродит по залам Грей-Холла и разговаривает с призраками.

– Какое уродство души, – вздохнула еще одна дама, поправляя перчатку. – Хорошо, что порядочные люди избавлены от его присутствия.

Слова падали, как тяжелые камни в мутную воду. Аннабелла смотрела на миссис Хартли и видела не аристократку, а стервятника, терзающего еще живое тело. Ее воображение невольно нарисовало Себастьяна – того самого мальчика с глазами цвета шторма, о котором говорила тетя. Теперь он был один, в том огромном холодном доме, окруженный не только туманом, но и вот этой липкой, невидимой грязью человеческой злобы.

«Честный человек не станет прятаться», – эхом отозвалось в ее голове. Она сама пряталась и бежала. Означало ли это, что она виновна?

– Вы ошибаетесь, – голос Аннабеллы прозвучал неожиданно твердо, разрезая гул сплетен.

В гостиной на мгновение воцарилась тишина. Миссис Хартли замерла, её веер остановился на полпути. Десятки глаз обратились к девушке, которая стояла слишком прямо, ее бледное лицо было освещено огнем камина, а серые глаза горели странным, лихорадочным светом.

– Простите, дорогая? – протянула хозяйка дома, вскинув бровь.

– Вы говорите о вещах, которых не знаете, – Аннабелла чувствовала, как дрожат колени, но не отступала. – Вы судите о человеке по его шрамам, хотя сами прячете за пудрой и шелком куда более страшные изъяны. Как вы можете осуждать человека, который потерял самое дорогое свою жену и дочь? Одиночество – это не всегда безумие. Иногда это единственный способ сохранить себя от... от таких, как вы.

Она осеклась, осознав, что перешла черту. Тетя Элеонора мягко, но настойчиво взяла ее за локоть, увлекая в сторону.

– Милая, нам, пожалуй, пора, – прошептала она, бросая извиняющийся взгляд на онемевшую компанию.

Выход из дома Хартли был похож на побег. Снова прохлада ночного воздуха, снова скрип колес по гравию. Аннабелла сидела в карете, прижавшись лбом к холодному стеклу, ее колотило.

– Ты была очень смелой, – тихо сказала Элеонора, когда они отъехали на достаточное расстояние. – Но опасно наживать таких врагов.

– Мне все равно, тетя, – Аннабелла закрыла глаза. Перед внутренним взором стоял Грей-Холл, окутанный мглой. – Они клеймят его, даже не зная правды, и превратили его трагедию в анекдот. Это... это несправедливо.

Она вдруг поняла: то сочувствие, которое проросло в ее душе к герцогу, было сродни узнаванию. Они оба были изгнаны из мира света. Она – из-за того, что с ней сделали другие,

он – из-за того, что сделала с ним судьба. Но клеймо на них лежало одно и то же: общество не прощало жертв, оно ненавидело тех, кто напоминал ему о хрупкости человеческого счастья.

«Мы с тобой в одной лодке, герцог», – подумала она, глядя на проносящиеся мимо силуэты темных деревьев. Внутренний спазм, мучивший ее весь вечер, начал понемногу отпускать. Гнев дал ей ту силу, которую не могла дать тишина.

Когда карета подъехала к дому тети, туман стал настолько густым, что фонари едва пробивали его завесу. Аннабелла вышла, чувствуя тяжесть своего платья, которое теперь казалось ей доспехами. Она больше не была той испуганной девочкой, что пряталась за запертой дверью гостиной. Гнев против несправедливости оказался сильнее страха перед прошлым.

Она посмотрела в сторону обрывов, где в серой мари прятался Грей-Холл. Там, в темноте, жил человек, которого она никогда не видела, но которого, кажется, начала понимать лучше, чем кого-либо другого в этом чопорном, жестоком мире. Их связывала не только общая боль, но и печать позора, которую на них наложили люди, не стоившие и капли их слез. И это осознание, странное и горькое, дарило ей первый за долгое время покой.

Глава 7

Сырой и тяжелый тумана Уилширта забивала ноздри, мешая дышать, оседая на ресницах и воротнике плаща миллионами крошечных, ледяных капель. Аннабелла упорно шла вперед, но каждый шаг давался ей с трудом, словно она пробиралась сквозь толщу остывающей, вязкой смолы. Границы тропинки, еще недавно довольно четко отделявшие запущенный сад тети Элеоноры от дикой пустоши, давно растворились в серой мари. Вокруг клубилась лишь плотная, безмолвная взвесь, скрадывающая любые звуки. Воздух пах солью, мокрой прелью и гниющими водорослями - этот резкий запах приносило порывами ветра с побережья. Самого моря не было видно, лишь глухой, утробный рокот прибоя, доносившийся откуда-то снизу, напоминал о том, что суша здесь резко обрывается скалистыми кручами.

Вчерашние разговоры в гостиной миссис Хартли, это липкое, злое перешептывание за ее спиной и собственная яростная вспышка в защиту неведомого герцога оставили в душе Аннабеллы странный, лихорадочный след. Ей нужно было движение, нужен был воздух, не ограниченный стенами комнат и удушливым теплом каминов. Но пустошь оказалась коварной. В какой-то момент она свернула на боковую тропу, уводящую прочь от безопасных ориентиров, и теперь окончательно потеряла направление. В тумане невозможно было понять, где север, а где юг.

Внезапно почва под ногами изменилась. Твердый, упругий дерн уступил место скользкой, раскисшей глине. Аннабелла сделала еще один неосторожный шаг, пытаясь нащупать твердую почву, но правая нога резко ушла вниз, проваливаясь в пустоту, и подошва легкой дорожной туфли мгновенно потеряла сцепление с землей. С тихим, шуршащим звуком из-под каблука осыпался целый пласт раскисшей земли, увлекая за собой мелкие известняковые камни. Они покатились куда-то во мрак, и этот шорох падения показался ей бесконечным.

Аннабелла взмахнула руками, инстинктивно пытаясь восстановить равновесие. Пальцы судорожно, до боли в суставах, вцепились в холодные, колючие плети дикой ежевики, росшей по самому краю оврага. Острые шипы мгновенно пробили тонкую лайковую кожу перчаток, вонзившись в ладони. Резкая, горячая боль обожгла кожу, но эта вспышка едва ли вернула ей самообладание. Перед ней разверзлась крутизна - сочащийся грязной водой, почти отвесный глиняный склон. Внизу, сквозь клубы тумана, смутно угадывались острые, серые зубья камней.

Дыхание перехватило, застряв в горле сухим, болезненным комком. Сердце забилось о ребра так сильно и часто, что его удары отозвались глухой пульсацией в висках. Весь мир сузился до этого клочка скользкого обрыва и колючих ветвей, которые она сжимала окровавленными пальцами. Паника проснулась мгновенно, затапливая разум ледяной волной. Ей казалось, что туман - это не просто каприз погоды, а физические стены, которые медленно, неумолимо сжимаются вокруг нее, выкачивая из легких последние крохи кислорода. Она снова была заперта и снова теряла контроль над собственным телом и ситуацией.

Вдруг сквозь рокочущий шум прибоя пробился иной звук. Это был глухой, мерный удар копыт о влажную землю.

Земля под её коленями слабо задрожала. Стук приближался со стороны холмов, он был ритмичным и пугающе мощным. Из белесой стены пара, беззвучно раздвигая ее слои, вынырнула массивная фигура, вороной жеребец, огромный, с отливающей влажным блеском шерстью, тяжело переступал сильными ногами. Конь шумно выдыхал воздух, и струи пара вырывались из его широких ноздрей, смешиваясь с туманом. Жеребец нервно прядал ушами, почуяв запах человеческого страха.

На его спине сидел всадник. Темный, тяжелый плащ из грубого сукна делал его силуэт почти исполинским. Глубокий капюшон был низко надвинут на лоб, полностью скрывая лицо и оставляя в тени все черты, кроме резкой линии волевого подбородка.

– О... – тихий, сорвавшийся вскрик вырвался из груди Аннабеллы.

Она дернулась назад, прочь от копыт зверя, позабыв о том, что позади нее лишь обрыв. Пальцы сорвались с колючих ветвей ежевики, оставляя на них клочья ткани. Ее тело содрогнулось от удушливого, первобытного ужаса. В её глазах любой мужчина в этой безлюдной пустоши сейчас представлял смертельную угрозу. Разум, подточенный пережитым насилием, мгновенно дорисовал картину: сейчас этот всадник спешится, его тяжелые шаги приблизятся, холодные пальцы сожмут ее запястья, и никто, совершенно никто не услышит её криков в этой глухой, сырой пустоте. Он казался призраком её прошлого, обретшим плоть в тумане.

Она пятилась, пока каблук снова не завис над пустотой. Глина продолжала осыпаться.

Всадник резко, коротким движением натянул поводья. Вороной жеребец вскинул голову, узда звякнула, и животное сделало шаг назад, подчиняясь железной воле хозяина. Себастьян сверху вниз смотрел на замершую у края обрыва девушку. Сквозь узкую щель капюшона он видел ее лицо - мертвенно-бледное, с широко распахнутыми глазами, в которых плескался такой дикий, нечеловеческий страх, что у него самого перехватило дыхание.

Для Себастьяна туман всегда был спасением, единственным местом, где он мог дышать свободно, не опасаясь чужих взглядов, и без маски, что он привык носить на виду у не многочисленных видевших его людей. Этот выезд на пустошь должен был принести ему успокоение, но появление незнакомки все разрушило.

Этот немой испуг в её глазах ударил по Себастьяну сильнее, чем ледяной ветер со скал. Внутри него мгновенно проснулось привычное, удушливое отвращение к самому себе. Она боится его… Конечно. Он для нее - монстр, урод, сбежавший из своего каменного склепа. Слухи не лгали: приличные женщины бледнеют и теряют разум от одного лишь его вида. Ее страх срезонировал с его собственной застарелой болью, превращаясь в глухую, ядовитую ярость, направленную на собственную искалеченную судьбу.

Он хотел помочь. Хотел сказать, что дорога назад находится правее, что она идет прямо на опасные, скользкие кручи, где одно неверное движение будет стоить ей жизни. Но его горло словно забило сухим песком. Кожа на шее и челюсти, стянутая грубыми рубцами шрамов, натянулась при попытке заговорить, причиняя физическую боль.

– Дорога... – Его голос прозвучал неестественно хрипло, отрывисто, словно он заново учился складывать звуки в слова. Он сам испугался этого каркающего, чужого звука. – Дорога правее...вы упадете. Шагните вперед.

Себастьян слегка наклонился в седле, намереваясь указать направление кожаной перчаткой. Но это движение едва не стало роковым. Резкий порыв ветра с моря ударил ему в грудь, взметнув полы тяжелого плаща, капюшон дрогнул, готовый соскользнуть назад и обнажить изуродованную левую половину его лица. В панике Себастьян бросил поводья и судорожно вцепился пальцами в мокрую ткань, натягивая капюшон обратно на лоб. Ужас от мысли, что эта бледная незнакомка увидит его шрамы вблизи, парализовал его, заставив сердце биться в бешеном ритме.

Для Аннабеллы этот жест показался началом нападения. Огромный мужчина в темном плаще наклонялся к ней, его хриплый, пугающий голос приказывал ей что-то сделать. Ей показалось, что он тянется к ней своими огромными руками. Воздух окончательно покинул ее легкие.

– Нет! Пожалуйста... – Она закрыла лицо рукой, прячась от этого кошмара, молясь лишь о том, чтобы земля поглотила ее раньше, чем он прикоснется к ней. – Уходи! Не трогай меня! Уходи!

Она опустилась на колени прямо в жидкую, холодную глину, сжавшись в комок. Ее плечи судорожно вздрагивали. Девушка была на грани обморока от этого невыносимого, удушающего давления.

Себастьян замер, глядя на лежащую перед его конем сломленную, дрожащую фигуру. Его словно хлестнули по лицу он приносил лишь ужас. Его присутствие отравляло все вокруг, превращая испуганную девушку в беззащитную жертву. Осознание собственной чудовищности накрыло его волной ледяной ярости и стыда.

– Проклятье, – глухо выплюнул он сквозь зубы.

Себастьян резко, почти жестоко натянул левый повод, и жеребец взвился на дыбы, разворачиваясь на задних ногах. Тяжелые копыта зверя с силой вырвали куски мокрого дерна, швырнув их в глубину оврага. Герцог ударил коня шпорами- вороной исполин рванул вперед, унося своего всадника прочь, и мгновенно растворился в серой, безмолвной завесе тумана, словно его никогда и не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.